

Отрывки из текста «ОДЕССА МЕРТВАЯ»

А Гена мне приснился посреди полной белиберды хаотичных зимних снов, а может, это было в осень. На улице Самаритян. Появился он вдруг посреди какой-то берлинской тусовки, божемного местного движа, на этом фоне весь такой как будто из другого измерения, откуда он вне всякого сомнения и прибыл. Смотрел на всё немного озадаченно, недоуменно, но с интересом, ироничным интересом. Был коротко острижен (наверное, они постригли его перед тем как упаковать в гроб?) и борода у него была не длиннодредая, а короткая, как в 1998 году, на том снимке, где мы у Вити, я приколачиваю, он смотрит на меня, усмехаясь: «Младшенький!» Это мы только-только познакомились, и я сразу его принял целиком и полностью и полюбил навсегда.

Прилетал попрощаться. И было с ним легко во сне, хорошо было, уютно, невзирая на все эти лица, «босоногие лица», толпу из лиц столиц. Приснился и улетел. Больше и не упомяну. Хаос зимних снов. Только теперь вот и понял, что это была Последняя Встреча (и снова, как и в первую, он пришел КО МНЕ в гости, а не как обычно – когда к нему стремились, и он

привечал). Последняя... Среди миров, в переплетеньях сна, на тонком плане. А только на этом плане мы с ним всегда и общались. Курили план. Держали планку.

*

Он называл меня «мой младшенький», средним был Витя Мбо, а старшим – Дима Нужин. Они втроем изображены на картине «Три товарища», меня тогда еще в картинке не было, появился потом. Колобок, я прикатился к нему позже, под занавес века, блудный сын еврейского народа, к которому Гена испытывал огромный пиетет. Поскольку христианин. Он был единственный христианин, из всех мною встреченных, чья вера не вызывала сомнений. По Станиславскому.

Был там один такой столпник, святой, не валом канонический, но есть, и в храмах заповедных можно встретить его образ – голый, только повязка на чреслах, и борода вся в дредах, седой такой. Олена Грозовська подсказывает – Онуфрий Великий (не путать с Сергеем Ануфриевым), и не столпник, а египетский пустынный. Бородой прикрывал наготу, еще любили какой-то венок из листвы на его бедрах изобразить. Предания о нем сохранилось в основном только у коптов и в Иерусалимской Православной Церкви. Так это вылитый Геннадий Константинович. Кажется, я даже видел икону, где Онуфрий с дредами. Или это я уже немного выжил из ума?

*

Родился, как раньше было принято говорить, «за несколько дней до начала войны», а по правде, В ТРЕТИЙ ГОД БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ (которая вторая мировая), в Чите, у чё-то там на рогах. А через неделю Гитлер пошел блицкригом на Сталина, два кровопийца схлестнулись в схватке, орудия, невидимые щупальца Уицраоров, демонов государственности («Роза Мира», Даниил Андреев, может слышали). А умер на четвертый год Великой Газовой Войны, она же – хуй знает какая по счету (вечная) Украинско-российская... Так для меня и остается загадкой – что говорил, что думал Гена по этому поводу. Позвонить или послать ему текст электронный всегда было так же нереально, как и сейчас, когда и передать-то некому, нет такого среди плотных-телесных-материальных. Чёт-нечет, чёт-нечет. Чёт. Чёт. Время точно мёд течёт.

*

К нему приходили самые разные люди, из самых разных срезов общества: чиновники, бандиты, гопота, пьяницы, нищие, бизнесмены, музыканты, поэты и самые обыкновенные работяги или пенсионеры, из простого люда. И он принимал каждого, поил чаем, давал если надо денег, но в первую очередь: «Сядь на пенек, послушай тишину Сада, ВОЙДИ В АТМОСФЕРУ!» И пока те «входили», он вынимал их из привычного времявосприятия и помещал посредством Живого Слова в некое параллельное измерение, где всё происходящее было частью Божественного Киносценария, помощником постановщика был Поэт Геша, он же – в одной из ролей второго плана, а остальные роли распределялись между его друзьями и знакомыми, посетителями Театра Божественного Сада.

Там не было зрителей, потому что каждый зритель был персонажем Повествования, и Гена показывал как гениально Творец «по образу и подобию», «по божьему промыслу» собрал всех этих людей по крупицам и закрутил специально для них спираль невероятной Мистерии, через которую раскрывается самая суть этой жизни, этого мира, этой реальности, этого сна, этой фантазии. И будь у тебя хоть кроха воображения, хоть капелька ребенка будь

в тебе, ты чувствовал себя причастным к чему-то иному, не от мира сего, кажущегося нам из всех сил, а мира волшебного и вечного. Мира величайшей истории всех времен и народов.

В любую секунду можно было нажать на красную клавишу «Запись» и получить по расшифровке текст высочайшего уровня. Поэтический текст, текст библейский. Километры текста. В какой-то момент Гена забросил писать стихи. И верно – зачем? Он говорил стихами. Каждое предложение. Я впитывал по крупице, внимал каждому слову, учился писать, слушая Подвойского. И изъясняться образами, метафорами.

А вообще он в молодости крутился на Одесской киностудии, писал какие-то сценарии (вот бы их почитать!), мечтал сниматься в кино и даже «засветился» в массовке в фильме «Капитан Немо», правда, в скафандре и круглом шлемофоне на голове, лица Гены в фильме не видно! А мой дедушка Миша как раз руководил параллельно конструкторским бюро на заводе КинАп (киноаппаратуры) и, возможно, проектировал все эти машины, которые ползали вокруг него на съемочной площадке. Вполне вероятно, это кино-ДНК нас и объединило.

*

В живописи был блюзменом-юродивым. Сидит такой африканец на крылечке в штате Алабама, века эдак полтора тому назад и бренькает что-то на издававшей виды гитаре. У которой и струны – далеко не все, и денег нет новые купить. И при этом в музыке СТОЛЬКО ДУШИ! Вагоны, килограммы и километры души. И продолжатель линии Филонова, космогонической, микроскопической, глобальной, как Сказка Сказок или Бытие, открытое наугад.

*

Держава. Светлана Викторовна. На минуточку так, филолог, специалист по японской поэзии и профессиональная переводчица с японского. Тучная как туча или тряпичная самоварная кукла, грозная как гром и молнии женщина с недоверчивым и недобрый взглядом из-под совершенно егоровских массивных очков в тяжелой оправе. Бывшая супруга. Ну или как там формально, может, и не «бывшая». Жили отдельно – она во флигеле дома, там всё было чинно и убрано, а Геннадий – на «пепелище», в своем библейском сарае. Она, что называется, мирилась с его образом жизни, скрепя сердце, позволяя ему сосуществовать с ней на одном участке земли, и терпела его выходки у себя под боком... До поры до времени, покуда цветочный её покой не будет нарушен хулиганскими выходками художника и его отпетых гостей, которых она презирала заочно. А он, этот покой, обязательно и регулярно

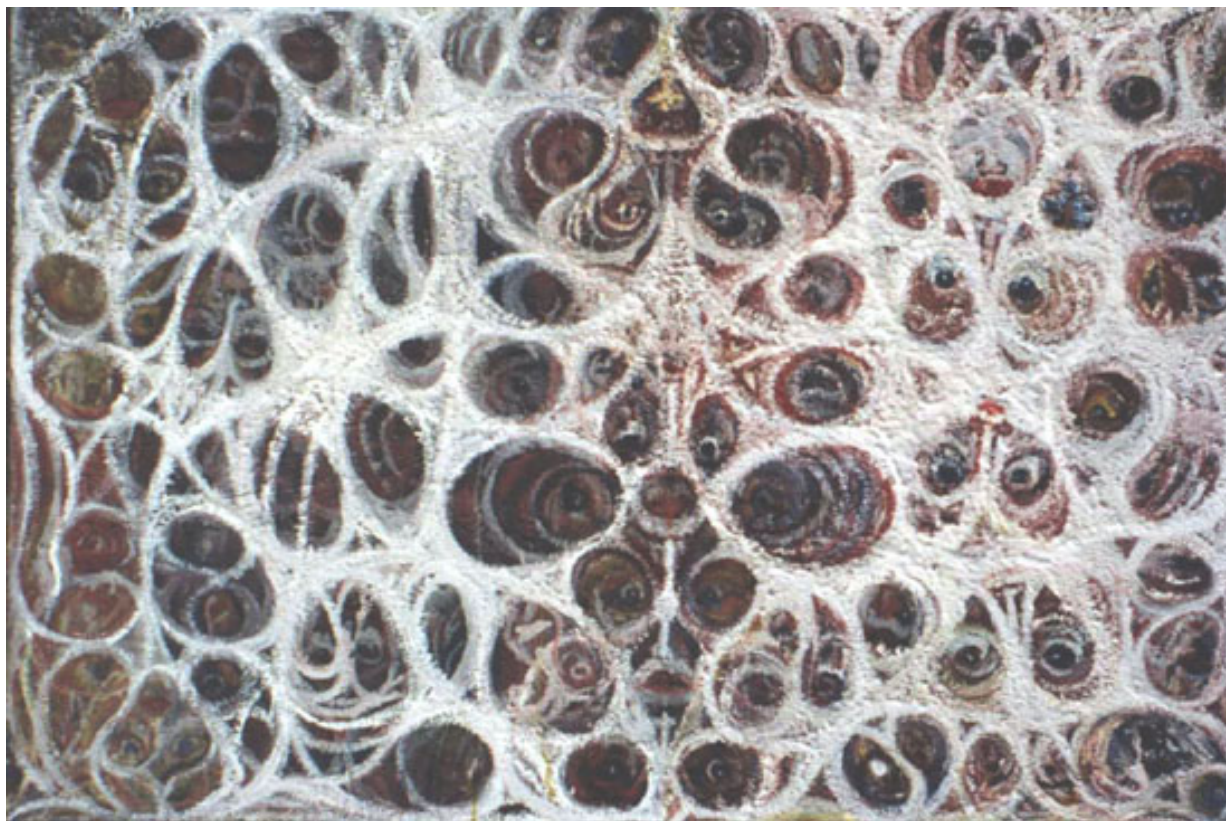
будет нарушен, и тогда её гнев обрушивался на нас, нефоров и антисоциальных элементов. И не один был изгнан прочь из Сада «Державой» Светланой Викторовной, невзирая на мольбы о пощаде. В сущности, эта динамика – олицетворение всей тогдашней андеграундной жизни Одессы на стыке веков, всех этих нас неофициальных поэтов за пазухой у дородной и строгой Украины, которая терпела нас постольку, поскольку мы не мешали ей пребывать в своей спячке и между прочим обдeldывать свой супербизнес – грабить награбленное и жировать.

Так и вижу Державу, Светлану Викторовну, медленно вращающую педали своего старенького велосипеда, едущую в направлении моря, верный пёс Бася неотступно следует за ней по пятам. Там...

*

Вокруг него всегда была молодежь, и это важно. Потому что показатель. Подвойский всегда был свежим, бодрым, современным, стиль всегда своевременный, вневременной. И на это откликались молодые: поколение за поколением студентов Грековского худ. училища слетались на него, как осы на мёд, в поисках Подлинного. А что его поколение? Даже пресловутые «нонконформисты», при всем уважении, в итоге как раз конформисты, тот же Хрущ (при всем, повторю, уважении): Москва там, выставки, музеи, публикации где попало, сомнительного, провинциального качества. Или эти, которые выжили на пенсию, сгорбленные старички и старушенции с палочками – такие, в форме вопросительного знака. Божьи одуванчики и цветочки-лютики, выжатые из сил и (или) из ума. И на этом фоне Гена. Совсем наоборот.

И что современники? Молчат, как в рот воды набрали. И о живом о нём толком двух слов вменяемых связать не могли, всё получалась какая-то пошлость, натянутость, попытка облечь в рациональные и умные слова. А о мёртвом вообще боятся слово вымолвить. И такая это всё шелуха и тягомотина на зияющем фоне Дыры Света и Отсутствия, которую он после себя оставил мироточить. Сейчас, чувствую, подсоберутся с силами, прикинут хуй к носу и начнут катать вату, задвигать заумные искусствоведческие телеги и закатывать консервные банки («Приват-банки», например), чтобы выжать бабла по максимуму из его живописи. Я к этой гадости не хочу иметь никакого отношения.

Артины Подвойского – вот они корявые, на коленке, промокшие под дождем, валяются где-то в кустах, слои сползают, всё такое вообще непродажное, но ничего, сейчас подвезут нормальные рамы, пластмассой прозрачной прикроют и повесят аккуратно на стену. И вся эта эпопея – зеркало мелочности, ущербности, местечковости и невыдающегося уровня провинциальной и паразитарной музейно-галерейной поросли. Грибок на лобок. На лубок.

А на божественную грязь и ветхозаветную пылюку Гениной кельи приедет бульдозер и всё это с землей сравняет подчистую. Или набегут рабочие из Приднестровья, сделают евроремонт дешевле, чем местные, вставят стекла в оконные рамы, покрасят стены в пошлый или же нейтральный цвет (так и вижу, что розово-белый, как маршмеллоу), устроят зимнюю веранду или летнюю кухню. И только дух Художника, незримый, будет витать над всем этим убогим раем, и новые постояльцы будут всякий раз недоумевать, отчего это вдруг у них бьются бутылки водки и ходят ходуном столы с закусоном во всякое 12 июня и 10 февраля. Ля-ля. Тополя.

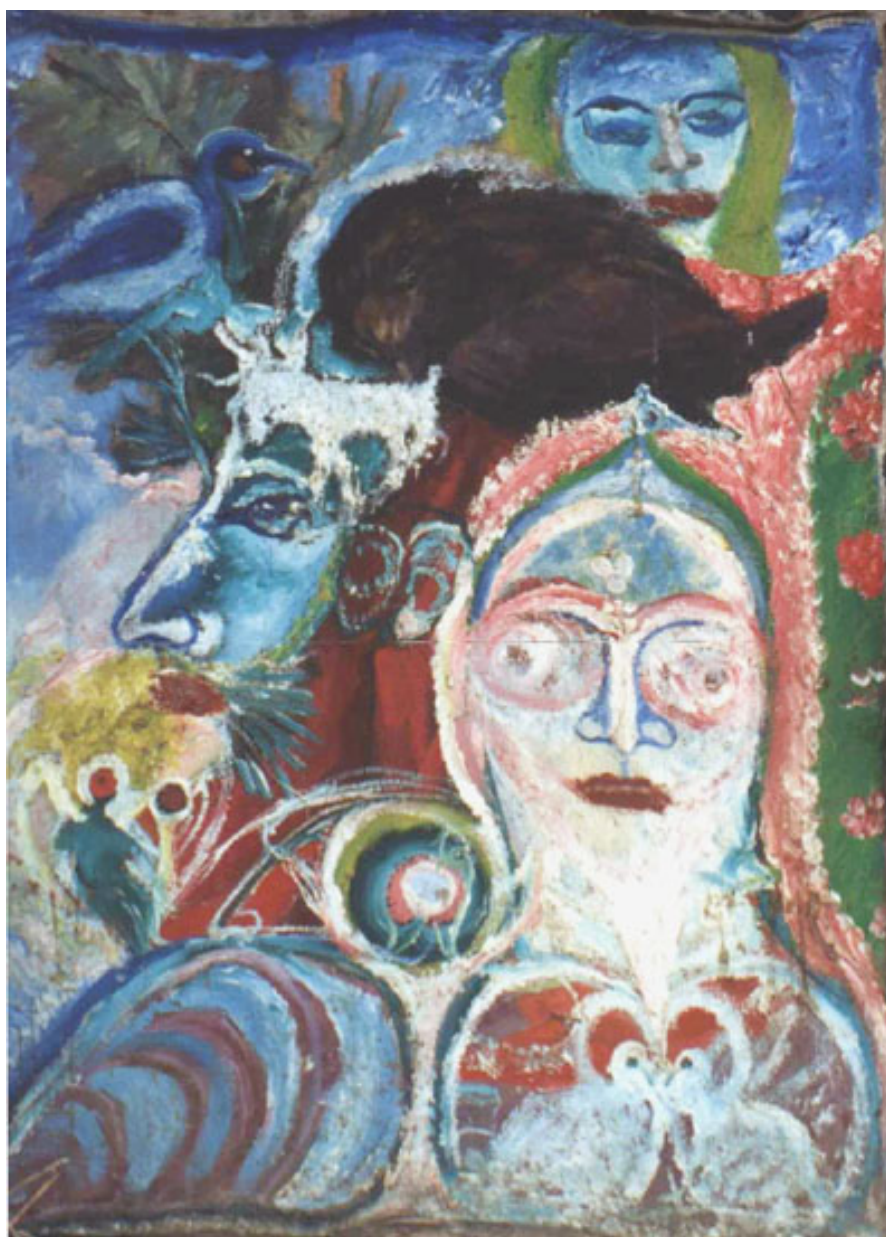
Что осталось от Гены? Слава богу, вычетом повести, поэзии, текстов и картин, фотографий и кинокадров – ничего. Никаких пожитков, которые можно кому-то продать по дешевке. Или просто подарить на самовывоз. Все иконы, чеканки, резьба по дереву, календарики, куколки и прочие мелочи, так органично олицетворявшие внутренний мир Художника, – всё это вышвырнут нахрен на помойку, или уже вышвырнули – дай бог, чтоб картины не тронули. Я, впрочем, предпочитаю «Артины». Гена же был «Апитан»!

*

Касательно сомнений в его «нормальности», «адекватности», «мнений» вроде того, что он «душевнобольной», шизофреник (а такие звучали и будут звучать) – скажу так. В этом мире,

где нормой считается платить налоги ворам и убийцам, ходить для этого на работу, рожать и «воспитывать» детей, которых отдавать в их школы, где из них планомерно вытравливают всё живое и отправляют работать или воевать или потреблять, блять, продавать и покупать, смотреть цветные сны кино и забывать, что снилось ночью, в театре Души, читать новости и тупить в телевизор и-или в интернет...

В таком мире я не глядя выбираю Гену со всеми его странностями, фантазиями, сказками и с его уникальным «безумием», выбираю Гену и считаю, что он один-единственный и есть нормальный, а это ВЫ ВСЕ СОШЛИ С УМА. И это вам нужно лечиться, лечить свои сердца и души и мозги набекрень («Шоу мозгов!», как Гена гениально припечатал последний хит Queen). И парадоксальным образом, только у таких, как Подвойский, и получается реанимировать парализованные чувства всех этих заколдованных зомби и добровольных рабов на галерах.

*

Известно, что Гена выставил на улицу нашу самую артхаусную из всех артхаусных

киносветил – Киру Муратову. Мадам любит снимать в своих фильмах не-актеров, или полуактеров, и, конечно же, до неё дошли слухи об уникальном самородке с Фонтана. История не донесла до нас содержания их (удивительно короткой) беседы, но я могу живо себе представить, как это было: однажды на моих глазах Гена за секунду просканировал какого-то не понравившегося ему сразу мутного типа, хлопнул его по плечу: «Закурим?». Тип автоматически протянул Гене пачку, сам вытянул из неё свою сигарету, прикурил себе и хозяину, и тут же был развернут на 180 градусов по направлению к калитке: «Докуришь по дороге!». Как привидение, точно загипнотизированный, мутный тип послушно засеменил в направлении выхода, растворяясь во тьме, превращаясь в горящую красную точку своего окурка. И погас, как будто его докурили и забычковали о бетонный столб где-то во мраке. «Вот они есть, а вот в следующую секунду их уже и нет», – комментировал Подвойский такую категорию людей-мимоходов. «Они совершеннейше исчезают, как призраки!» И Муратова... «Меня зовут Гена, потому что я – гений!» Так в итоге говорит персонаж одного из её фильмов, которого она довольно окарикатуренно срисовала с натуры на Ромашкова.

О своей фамилии: «Там – ВОЙСКО!». И он как бы и был – поднебесное войско, один в поле воин. Воин Слова и Образа, конечно же.

*

Качели. Сад. Ваза с букетом цветочков стоит на столике у проезжей части, взрывая банальный пейзаж Чубаевки, недалеко от площади Толбухина, магистральным узлом между «Таити» (посёлок Таирова) и классическими советскими Черемушками. Ах, эти цветы! Жаль, что я не удосужился запомнить вас по имени, нужно было быть внимательнее на уроках биологии, к этой самой флоре-фауне... Самые красивые букеты моей жизни, красивее и представить невозможно. Цветы Державы, заведующей божественным садом, посреди которого расцвело буйным цветом древо Жизни – под видом простецкой черешни.

Умерла Держава (по моим подсчетам, где-то вместе с Украиной Наивной, в 2014 году), сад – по свидетельству Вити – разросся буйным ростом, превратился в джунгли, в чапараль, а цветы Гена продавать перестал. И сам состарился в одну минуту. А потом в один прекрасный день – прекрасный, невзирая ни на что – лёг на своё лежбище с намерением не вставать. И не встал.

«СМЕРТЬ ПОПАДАЕТ В ДЕСЯТКУ!». «Десять – роковое число». Так он говорил нам с Витьком. И умер 10 февраля, как поэты Пушкин и Демид Покальчук (которого Гена звал «Динамит»). Вообще это не единственное предсказание Подвойского, которое сбылось. Как-то раз, впадая в безмолвие, в прострации глядя на огонь, он внезапно молвил: «Знаешь, Серёженька, по-

моему Господь решил прославить Украину!». Было это году в 2005-ом. А ещё: «Всевышний расколет Америку пополам!», примерно тогда же.

Умерло вообще всё, что было самым прекрасным в Одессе, и сама Одесса Та, Одесса Эта, Одесса моей великолепной молодости – хиреет, hiraeth и умирает и становится Одессой Мертвой, городом, где стали серьёзными и вялыми девушки, которых я любил, две ушли в монастырь, остальные – кто куда, кто в могилу, кто во мглу, не к кому даже вернуться, сказать: «Привет, я – матрос, прибыл с рейса, я – Штирлиц, вернулся домой, партизанил в тылу у врага, на благо родины». Родина... вот она есть, вот её нету. Hiraeth.

Одесса - это Подвойский. Нет Подвойского – какая без него Одесса? (И без Кости Костюченко, и Демида, и Корнея Третьякова, и Маши несравненной Навроцкой). Одно бесконечное кладбище (рядом с тюрьмой), Одесса Мертвая. И редкие надгробия. Страна Надгробия, страна Железобетония. Не город, а невеста... Асбеста!

Гена – это Гомер Одессы. Его бесконечная история это и есть настоящая Одессея, мифическая, захватывающая, таинственная, мистическая, метафорическая, поэтическая, прообразная. А мы – её Ахиллы, Гекторы, Елены и Кассандры.

«Продолжим Повествование!»